

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Д.А. АНИКИН*Саратовский государственный
университет**e-mail:
Vedz_Philosophy@bsu.edu.ru*

В рамках современного философского знания существуют различные методологические подходы, исследующие феномен социальной памяти. Как правило, можно свести эти подходы к объективизму, когда под социальной памятью понимаются механизмы воспроизводства исторического опыта, или к конструктивизму, когда социальной памятью называются способы репрезентации прошлого в принципиально иных политических и социальных контекстах. В статье исследуется методологический потенциал теории П. Бурдьё в выстраивании синтеза данных подходов на основании понятия «символический капитал».

Ключевые слова: социальная память, символический капитал, социальные практики, репрезентация, социальное пространство.

Дискуссии о социальной памяти, и шире – роли прошлого в современных социальных процессах оказываются зажаты среди двух полюсов. С одной стороны, методичный реализм Яна и Алейды Ассман, нацеленный на изучение механизмов превращения «живых» воспоминаний в обосновывающие мифы, но при этом не допускающий и тени сомнения в самом факте существования этого прошлого. С другой – не менее последовательная деконструкция любых историографических конфигураций прошлого от Пьера Нора и других историков-постмодернистов, благодаря усилия которых сам вопрос о статусе прошлого плавно перемещается из плоскости онтологической в плоскость гносеологическую¹.

Между этими полюсами, как между Сциллой и Харибдой современных «memory studies», так или иначе, оказываются зажаты точки зрения большей части исследователей, работающих в этой сфере. Вопрос, стоящий перед ними, вечен, но от не менее, а только более существенен: как сочетается субъективное и объективное в процессах воспоминания, социальные механизмы и индивидуальные устремления и, в конечном итоге, закономерности и случайности в историческом познании?

С целью нахождения компромиссных точек зрения в очередной раз провозглашается «возврат к истокам». Е.Г. Трубина справедливо обращается к Морису Хальбваксу как основоположнику «мемориальной» проблематики в социальных науках, находя в его работах системное видение воспоминаний как внутренней потребности индивида как объ-

¹ См. подробнее: Трубина Е.Г. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М.: ООО «Вариант», 2011. – С. 25-44.

ективной общественной потребности (не следует забывать, что по своим методологическим установкам М. Хальбвакс был примерным учеником дюркгеймовской школы).²

Другим исследователям (А.В. Дахин) выход видится в выведении социальной памяти из сугубо социального контекста и помещении данного понятия в контекст онтологический.³ Такая методологическая операция открывает несомненные перспективы и новые горизонты исследования памяти, но, к сожалению, уводит от выстраивания той концептуальной решетки, которая оказалась бы применима к решению прикладных «кейсов», которые щедро поставляет современная социальная реальность.

Поэтому дополняющим, а не взаимоисключающим рассмотренных выше вариантов представляется применение к анализу социальной памяти тех методологических подходов, которые были выработаны в социально-гуманитарных науках во второй половине XX века, но влияние которых в сфере «memory studies» было близко к нулю. В первую очередь, хотелось бы обратиться к фигуре французского философа и социолога Пьера Бурдьё, что объясняется целым комплексом достаточных оснований.

Во-первых, принцип «двойного структурирования» социальной действительности, предложенный П. Бурдьё предполагает отход от крайностей позитивизма дюркгеймовского толка (когда социальные явления должны рассматриваться как «вещи») и социальной феноменологии А. Шюца. Посредством введения понятия «габитус», характеризующего социально заданные схемы восприятия действительности, французский исследователь проводит определенную корреляцию между социальной структурой и системой внутренних смыслов индивида, причем ни одна из выделенных оппозиций не может быть абсолютизирована, поскольку в реальности всегда имеет место взаимовлияние. Объективные структуры социальной действительности и субъективные механизмы их восприятия оказываются настолько переплетены, что в конкретном случае, как правило, имеет место не жесткая детерминация, а именно пересечение разноуровневых способов упорядочивания действительности.

Для объяснения данной взаимосвязи П. Бурдьё использует понятие «габитус», понимая под ним устойчивые формы восприятия и объяснения действительности, задаваемые социальным контекстом (прежде всего, воспитанием и образованием), но подвергающиеся интериоризации и периодической проверке на соответствие изменяющимся социальным условиям.

Способ существования в социальной действительности рассматривается Бурдьё как непрерывный обмен ресурсами, поэтому ключевой характеристикой любого социального или политического субъекта является совокупность присущих ему в настоящий момент форм капитала – экономической, социальной или культурной (символической). Капитал не является статичной суммой накопленных ресурсов, а представляет собой непрерывное перемещение товаров, знаков и символов от одного актора к другому, в контексте чего все формы капитала не являются замкнутыми, а могут конвертироваться друг в друга, пусть даже с неременной утратой части своей ликвидности. По определению самого П. Бурдьё, «символический капитал – как капитал в любой его форме, представляемой (т.е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием – предполагает влияние габитуса как социально сконструированной когнитивной способности».⁴ По сути, символический капитал представляет собой форму престижа, которым обладает как индивидуальный, так и коллективный субъект в глазах окружающих. С этим обстоятельством связано подчеркивание Бурдьё индивидуального и даже личностного характера символического капитала, поскольку уважение не может передаваться по наследству, аналогично дворянскому титулу, а привязано непосредственно к своему носителю, по крайней мере, в хабиитуализированных структурах общественного сознания.

Эти наблюдения могут быть, с определенной долей опосредования, перенесены и на феномен социальной памяти. В рамках анализируемого подхода социальная память

² Там же. С. 30-31.

³ Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации memory studies // Вопросы философии, 2010, № 8. – С. 52-55

⁴ Бурдьё П. Культурный капитал // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. – С. 61.

представляет собой важный элемент символического капитала любого общественного устройства, поскольку свойством символического капитала является его легитимация прошлым, подкрепление актуальных мировоззренческих установок обращением к определенным образам исторических событий и персонажей, воспринимающихся в качестве символических родоначальников или предшественников носителя символического капитала. Под социальной памятью подразумевается совокупность способов репрезентации прошлого, используемых в определенном политическом, культурном и экономическом контексте с целью легитимации существующего порядка или его изменения.

Определенные представления о прошлом оказываются востребованы исключительно в связи с тем, что они являются средствами политической борьбы, позволяя определенным политическим группировкам легитимировать свое существование и дискредитировать в глазах «молчаливого большинства» действия представителей иных политических субъектов. Можно согласиться с Д.В. Чайковским, что «капитал ценен не сам по себе, а в его соотносительности с теми потенциальными возможностями, которые он предоставляет для осуществления властного влияния».⁵

При этом, подобная интерпретация социальной памяти не сводится к утилитарному консумеризму, поскольку, кроме сугубо денотативного значения (ресурс символического противостояния), образы прошлого могут выполнять и коннотативные функции (сплочение нации, выстраивание определенных социальных практик и т.д.). Иначе говоря, символический капитал, как и другие виды капитала, оказывается органично вписан в общую картину социальной реальности.

П. Бурдые отмечает, что не существует неразрывной пропасти между экономическим и символическим капиталом, несмотря на то, что, на протяжении становления модернистского общества, экономический капитал претендовал на то, чтобы остаться единственной формой выражения имеющихся ресурсов.⁶ Хотя символический капитал оперирует совсем другими категориями (честь и престиж), нежели экономический капитал (товар), но это не означает, что он не может быть конвертирован в конкретную экономическую стоимость. В конце концов, на буме социальной памяти в современном российском обществе строится и разветвленная туристическо-развлекательная индустрия. Туристические маршруты обязательно включают в себя «исторические памятники» (которые помещены в данном тексте в кавычки исключительно для того, чтобы подчеркнуть вариативность и неоднозначность этого понятия в контексте тех политических и социальных перипетий, которые испытала Россия на протяжении последних десятилетий). Вокруг «мест памяти» разворачивается оживленная торговля сувенирами, которые построены на сознательной эксплуатации тех или иных образов прошлого (например, на Мамаевом Кургане в ходе флеш-карты, изготовленные в виде патронных гильз). В данном контексте товары, эксплуатирующие узнаваемые образы прошлого, представляют собой объективированный символический капитал, аналогичный символам власти (скипетр, держава), которые разбираются в одной из работ П. Бурдые.⁷

Обращение различных политических группировок к символическому капиталу социальной памяти является инструментом в символической борьбе за «произвольные (но не признаваемые за таковые) средства познания и выражения (таксономию) социальной реальности».⁸ Борясь за навязывание своих взглядов, политические группы используют образы прошлого в качестве способа легитимации собственных высказываний, аргумента обоснованности своих претензий на право говорить от имени общества в целом. Необходимо понимать, что сфера влияния символического капитала определяется не политическими границами государства, в котором воспроизводятся определенные образы прошлого, а степенью их востребованности на внутреннем и международном рынке. А.А. Гравер указывает, что «под ликвидностью «символического капитала» понимается спо-

⁵ Чайковский Д.В. Воспроизводство власти: к вопросу о символической легитимации // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. – С. 130.

⁶ Бурдые П. Практический смысл. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 132.

⁷ Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 96.

⁸ Там же. С. 90.

способность аккумулировать ресурсы (экономические, политические, военные и др.) с помощью государства-партнера или союзника ввиду общности восприятия политических явлений. Таким образом, «символические капиталы» являются неотъемлемой частью в структуре мир-системы».⁹

Переноса эти характеристики на образы прошлого, следует отметить, что их ценность и ликвидность с ресурсной точки зрения заключается в возможности выстраивания конструктивных стратегий взаимоотношения с другими странами, прежде всего, экономическими и политическими партнерами. Общность прошлого, точнее говоря, пролонгирование существующих экономических и политических связей в отдаленную историческую перспективу, позволяет обеспечить определенное единство различных политических субъектов в решении актуальных вопросов. В то же время, выбор того или иного набора образов прошлого способен актуализировать тот символический капитал, который представляется предпочтительным с точки зрения текущих политических перспектив, и, соответственно, вызвать разрыв с другими политическими субъектами, по отношению к которым эти образы несут негативный характер. Например, политическая переориентация части бывших советских республик на Евросоюз привела к изменению оценок прошлого, в том числе таких ключевых для советского символического капитала событий, как Переяславская Рада или Великая Отечественная война. Пророссийские оценки этих событий оказались неликвидны с точки зрения экономических и политических перспектив вступления в Евросоюз, поэтому оказались отторгнуты. Разумеется, стоит учитывать, что немалое значение имеет и та историческая ситуация, в которой оказывается политический субъект, особенно, если конвертированием символического капитала социальной памяти занимаются структуры постимперского пространства.¹⁰

В одной из своих работ П. Бурдьё отдельно останавливается на вопросе воспроизводства символического капитала в сфере гуманитарных наук (в том числе, и истории), обращая внимание на следующую важную закономерность: гуманитаристика занимает промежуточное место между точными дисциплинами, которые опираются на следование строгим критериям научности, и политическими играми, строящимися на признании большинством. Поэтому гуманитарные науки всегда манипулируют сочетанием сугубо научных и политических критериев, осуществляя свою диспозицию на двух смежных уровнях культурного пространства.¹¹

Особое значение, согласно П. Бурдьё, имеет тот факт, производится ли символический капитал социальной памяти социальной группой в целом (то есть образы прошлого находятся в «коммуникативной» памяти, выражаясь терминологией Я. Ассмана), либо их производство институализировано и доверено группе специалистов, обладающих официально признанными полномочиями. Если определенные образы прошлого, относительно недавнего, находятся в достоянии всех социальных групп, что, однако, не исключает, разногласий в их трактовках, то более отдаленные события находятся в ведении профессиональной группы историков, которая пытается всячески легитимировать свое привилегированное положение по выработке исторического знания, устанавливая дистанцию между научными и ненаучными текстами.

Проблема заключается в том, что память о недавних событиях (очевидцы которых еще живы) является одновременно принадлежащей как профессиональным историкам, так и обществу в целом. Эта зона периферийной социальной памяти, которая является наиболее интересной с точки зрения символического использования, лежит между «настоящим» (то есть теми событиями, которые символически воспринимаются как неподлежащие историческому каталогизированию и упорядочиванию) и мифологизирован-

⁹ Гравер А.А. Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2010. № 3. – С. 100.

¹⁰ См. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. – С. 121-126.

¹¹ Бурдьё П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 520-521.

ным прошлым, которое, в силу утраты своей жизненной многообразности, превратилось в совокупность устойчивых мировоззренческих и идеологических формул, воспроизводимых для последующих поколений посредством системы образования. Эту зону польский антрополог Я. Вансина назвал *временной лакуной*, подчеркивая, что именно такой временной зазор человеческое сознание «проскакивает», не подвергая особой рефлексии.¹² Но именно содержащиеся во временной лакуне события и их оценки, еще не приобретающие характер догмы, могут подвергаться бесконечным интерпретациям, выступая в качестве материала для символической борьбы. С возрастанием продолжительности человеческой жизни увеличивается объем и коммуникативной памяти, следовательно, возрастают возможности использования образов прошлого в качестве символического капитала для противостояния политических группировок или социальных слоев.

Можно подвести итог, что с точки зрения социальной философии изучение социальной памяти как символического капитала позволяет выявить следующие важные характеристики образов прошлого в структуре современной социальной реальности:

1. Социальная память, представляя собой совокупность ликвидных с точки зрения внутреннего или внешнего рынка образов прошлого, выступает неотъемлемым элементом символической структуры общества.

2. В этом качестве она становится атрибутом символической борьбы между различными властными группировками за легитимацию/делегитимацию существующего политического порядка.

3. Являясь символическим капиталом, социальная память обладает способностью конвертирования в экономический капитал и возможностью объективации, что приводит к возникновению туристической и сувенирной индустрии.

4. Материалом для символической борьбы в большей степени выступает содержание «живой», коммуникативной памяти, еще не подвергшейся стандартизации и мифологизации, поэтому имеющей сильный эмоциональный оттенок.

5. Таким образом, обращение к изучению социальной памяти в контексте структуралистского подхода П. Бурдьё позволяет проанализировать ее тесную взаимосвязь с политическими и экономическими институтами, а также, посредством понятия «габитус», обратиться к антропологическому измерению пространства социальной памяти.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 121-126.
2. Бурдьё П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 518-538.
3. Бурдьё П. Культурный капитал // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60-74.
4. Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87-96.
5. Бурдьё П. Практический смысл. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 562 С.
6. Гравер А.А. Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2010. № 3. С. 99-118.
7. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии, 2010, № 8. С. 52-55.
8. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 С.
9. Трубина Е.Г. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М.: ООО «Вариант», 2011. С. 25-44.
10. Чайковский Д.В. Воспроизводство власти: к вопросу о символической легитимации // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 130-133.
11. Vancina J. Oral Tradition as History. London, 1965. – 208 pp.

¹² Vancina J. Oral Tradition as History. London, 1965. P. 12.

SOCIAL MEMORY AS SYMBOLICAL CAPITAL

D.A. ANIKIN

Saratov State University

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

Within modern philosophical knowledge there are the various methodological approaches investigating a phenomenon of social memory. As a rule, it is possible to reduce these approaches to an objectivism when social memory is understood as mechanisms of reproduction of historical experience, or to constructivism when ways of representation of the past in essentially other political and social contexts are called as social memory. In article the methodological potential of the theory of P. Bourdieu in forming of synthesis of these approaches on the basis of the concept "symbolical capital" is investigated.

Key words: social memory, symbolical capital, social practitioners, representation, social space.